

Колай Мартын

Перемены вне времени

18+

Колай Мартын

Перемены вне времени

<https://litres.ru/74681007>

SelfPub; 2026

Аннотация

Журналист областной газеты подрабатывает столером.

Журналист встречает таинственную древнюю книгу.

Научный сотрудник промышленного холдинга изучает древний артефакт.

Научный сотрудник просит журналиста помочь в поисках.

Журналист помогает Научному сотруднику и открывает для себя много интересного.

Научный сотрудник узнаёт о таинственной книге.

Одновременно Журналист выстраивает отношения с Секретаршей газеты, с невестной колдуна африканского племени и возвращается свою жену, спасает свою семью.

Колай Мартын

Перемены вне времени

Вселенная не меняется.

Вселенная родилась такой, какой мы её видим в телескопы и микроскопы.

Вселенная существует в едином вечном мгновении.

Статичны и неизменны физические и прочие постоянные, удерживают Вселенную в чистом, ясном восходящем вдохе.

Процессы, рождённые вселенскими постоянными для обеспечения существования постоянных и Вселенной, меняются по необходимости.

Вселенная меняется каждую секунду в каждой точке и одновременно Вселенная неизменна.

Одновременно и параллельно друг другу во Вселенной происходят различные события.

Такой-Растакой, - мужчина лет двадцати пяти, с длинными волосами, собранными в хвост, в разноцветной вязаной шапочке, в разноцветной зимней куртке, в джинсах, в зимних ботинках, на плече Такого-Растакого сумка.

Такой-Растакой работает столяром в мебельной фирме, ведёт блог в интернете и колонку в газете подмосковного города.

Такой-Растакой за шесть лет работы в столярном производстве научился многому. Во время сочинения данной по-

вести, фирма, в которой работал Такой-Растакой находилась на окраине Москвы и от работы до дома Такой-Растакой добрался меньше часа. До детского сада, в котором с утра до вечера находился его сын Андрей, Такой-Растакой добирался за полтора часа.

Сроки производства лестницы, которую собирал Такой-Растакой не горели, и Такой-Растакой позволял себя закончить работы к шести вечера.

Такой-Растакой прошёл по столярному цеху, мимо столяров, работающих за станками, у ступеней, попрощался со столярами, «счастливого», «пока», «давай, до завтра», вышел через проходную института, повернул к автобусной остановке.

Высокие сугробы навалены вдоль бетонного забора, окружающего институт.

Толстый слой утоптанного снега на тротуаре.

Снеговая жижа на проезжей части.

Фигуры нескольких человек темнеют вдали на автобусной остановке.

Жена Такого-Растакого, - женщина лет двадцати, без головного убора, короткая причёска, зимняя куртка, джинсы, зимние сапоги, сумка на плече Жены Такого-Растакого.

Жена Такого-Растакого профессиональная боксёрша. За десять лет жизни в боксе, Жена Такого-Растакого выиграла множество соревнований и состояла в сборной команде Москвы и Московской области. Во время сочинения данной повести, спортивный зал боксёрского клуба, в котором

тренировалась Жена Такого-Растакого, находился в центре Москвы, и Жена Такого-Растакого добиралась до спортивного зала больше часа. До детского сада, в котором с утра до вечера находился её сын Андрей, Жена Такого-Растакого добиралась меньше часа.

Жена Такого-Растакого прошла по спортивному залу мимо тренирующихся боксёров,

«счастливо», «пока», «давай, до завтра», вышла через проходную из спортивного зала.

Крыльцо спортивного клуба залито ярким белым светом и белый электрический свет на несколько секунд отделил серые вечерние облака от крыльца.

Автомобильная стоянка, расположенная в стороне от высокого крыльца спортивного клуба, хорошо просматривается. Желтый и белый свет фонарей освещали стоянку, разноцветные искры вспыхивали на сгибах автомобильных корпусов.

Жена Такого-Растакого сразу увидела автомобиль своего любовника.

Любовник Жены Такого-Растакого вышел из автомобиля, раскрыл дверцу автомобиля перед Женой Такого-Растакого.

Жена Такого-Растакого поцеловала Любовника в щёку, села в автомобиль.

Андрей, - мальчик пяти лет, сын Такого-Растакого и Жены Такого-Растакого одевался для прогулки, напротив своего шкафчика.

Андрей за пять лет научился многому и ко времени написания данной повести умел считать до тысячи, выполнял в уме простые математические действия в пределах первого десятка, знал наизусть алфавит и читал по слогам вывески магазинов.

Дети одевались для прогулки, рассказывали друг другу истории, толкались.

Бас, - главный редактор частной газеты, мужчина лет двадцати пяти, с дорогой причёской, в очках с золотой оправой, в тёмно-синей рубашке, в дорогом галстуке, в дорогом тёмно-фиолетовом костюме, в дорогих ботинках.

Бас сидит за своим столом, читает гранки. Губы Баса шевелятся.

Секретарша, Ирина Аркадиевна, - молодая женщина лет двадцати трёх - двадцати пяти, с длинными, до плеч, подзавитыми обесцвеченными волосами, намакияженная, в красной кофте, накинутой на плечи, в белой блузке, тёмно-кремовая юбка до колен, в кроссовках, тёмно-кремовый пиджак висит на вешалке, над зимними сапогами.

Редакция газеты, - однокомнатная квартира на первом этаже пятиэтажного дома.

Такие редакции частных газет, очень быстро превращавшихся в рекламные приложения городских изданий, дожили до нулевых годов начала века.

Перед дверью балюстрада с металлическими балясинами и сосновым поручнем, окрашена в тёмно-коричневый цвет,

с калиткой. Калитка заперта на щеколду.

Балюстрада ограждает небольшой, два шага на два шага, угол редакции, отрезает входную дверь от основного помещения редакции.

Стены редакции голы. На выцветших, местами лопнувших обоях, оставшихся от прежних жильцов, яркие следы от рамок фотографий, следы от полок.

Три стола и два шкафа в редакции. Один шкаф без дверец, на стенах шкафа остались петли, на полках шкафа стоят папки. Второй шкаф с закрытыми дверцами.

Стол рядом с окном, - Главного редактора. На столе Главного редактора монитор компьютера, канцелярские предметы, пол-литровая кружка, в кружке чайная ложка.

Стол между шкафами ничей, на этом столе стоит печатная машинка, вокруг и на печатной машинке навалена куча бумаг, газет.

Стол Секретарши стоит перед проходом, сразу за балюстрадой. На столе Ирины Аркадиевны монитор компьютера, канцелярские предметы, бокал с кофе, в бокале чайная ложка.

Люстра в редакции советская, пятирожковая, стеклянные колбы.

Тонкие, однотонные занавески из медицинской ткани цвета хакки висят по сторонам окна и используются редко. Занавески висят на металлических струнах.

За окном редакции остатки фруктового сада на месте сне-

сѐнной деревни и пустырь перед железной дорогой.

Пригородные электрички, товарные поезда, междугородние поезда пролетали мимо окон редакции, мелькали жѐлтые окна вагонов в темном, вечернем воздухе.

Голые ветви вишен и яблонь ловили свет далѐких фонарей, желтый свет окон вагонов проезжающих поездов.

Искры вспыхивали на тонком слое льда, покрывающем голые ветви.

Дверь редакции открывается, в редакцию входит Хомин Богдан Давыдович.

Бас поднимает голову.

Хомин Богдан Давыдович, мужчина лет сорока, среднего роста, с заметным животом, русыми волосами, короткой стрижкой, ухоженной бородой, синими глазами, с ногтями автослесаря, одет в дорожную, богатую меховую зимнюю шапку, в дорожную зимнюю куртку, брюки, зимние ботинки.

Богдан Давыдович снял богатую шапку, подошёл к балюстраде с калиткой.

Богдан Давыдович положил руки с шапкой на поручень балюстрады.

Книжник, - мужчина возраста неопределѐнного, ростом невысок, костью тонок и телом худ, лицом бледен, одет в чѐрную кожаную кепку, чѐрный шарф, в чѐрную куртку, в чѐрные джинсы, в чѐрные демисезонные ботинки.

Книжник прижимает к груди двумя руками тяжѐлый, толстый, древний Фолиант.

Обложка Фолианта обтянута толстой, натуральной кожей, между руками Книжника видны золотые буквы.

Серые облака над станцией «Тимирязевская», фонари освещают снег и прохожих.

Тени прохожих троятся, учетверяются, скользят по сугробам, наваленным на газоны.

Снег хрустит под подошвами зимних ботинок и сапог.

Книжник подходит к лестнице на входе метро Тимирязевская, следом за прохожим проскальзывает в переход перед закрывающейся дверью.

Двор детского сада окружён высоким забором из металлических прутьев.

Прутья забора окрашены весёлой зелёной краской.

Редкие уличные фонари освещают территорию детского сада, оставляют тени.

Дети галдят, играют вокруг беседки, стоящей в стороне от главного входа в здание детского сада, играют вокруг невысокой снежной горки, катаются по длинной ледяной дорожке, раскатанной вдоль проезда, под стволами тополей и бетонными ножками трёх уличных фонарей.

Ворота детского сада закрыты. Калитка в заборе, рядом с воротами, закрыта.

Раздвоенные тени металлических прутьев ворот двоятся, пересекаются, покрывают утоптаный, укатанный снег перед воротами детского сада ромбами и четырёхугольниками.

Тень такого-Растакого четверится, закрывает тень ворот.

Такой-Растаккой тянет створку ворот. Ворота детского сада раскрываются.

Такой-Растаккой сразу узнаёт Андрейку, катающегося по ледяной дорожке.

Дети кричат:

- Андрей! Твой папа пришёл!

Андрей встаёт невысоким столбиком, смотрит в сторону ворот, подбегает к Воспитательнице, что-то ей говорит.

Воспитательница поворачивает голову, всматривается в фигуру Такого-Растаккого, идущего к детям.

Воспитательница что-то говорит, Андрей срывается с места.

Андрей бежит навстречу Такому-Растаккому.

Такой-Растаккой приседает, раскрывает объятия.

Андрей подбегает к Такому-Растаккому, прыгает в объятия Такого-Растаккого.

Такой-Растаккой с Андреем на руках выходят с территории детского сада.

Такой-Растаккой с Андреем на руках выходит в раскрытые ворота детского сада, сделанные из металлических прутьев, покрывшие утоптаный снег теньвыми ромбами и четырёх-угольниками.

Тёмные тени домов на противоположной стороне двора. Жёлтый свет окон на плоских тенях, жёлтый и белый свет уличных фонарей освещает подножия плоских, многоглазых теней.

Мичуринский проспект освещён ярко.

Уличные фонари белым светом заливают проезжую часть и тротуары.

Автомобили движутся по проспекту, месят снеговую жижу.

Троллейбус останавливается у остановки, напротив дома 14, корпус 2.

Из троллейбуса выходят пассажиры и Такой-Растакой с Андреем.

Такой-Растакой и Андрей идут к лестнице, расположенной на склоне, за остановкой.

Андрей:

- Папа, а когда ты к нам переедешь?

Такой-Растакой:

- Мы с твоей мамой... Я люблю твою маму... Я напишу очень хороший рассказ или соберу очень красивый шкаф, они понравятся твоей маме, и мы помиримся.

Андрей поднимается по лестнице:

- А дядя нравится маме?

Такой-Растакой поднимается по лестнице вслед за Андреем:

- Наверное, раз твоя мама с ним целуется.

Андрей поднимается по лестнице:

- И ты маме нравишься, я слышал, когда она звонила бабушке. А ещё мама говорила, что

ты целуешься с какой-то вертихвосткой.

Такой-Растакой поднимается по лестнице:

- Она не вертихвостка. Она один раз уже была замужем и теперь ищет богатого

человека. Я её поцеловал, когда поздравлял с днём рождения. А твоя мама решила, что... Вообще...

Андрей идёт по асфальтовой дорожке, проложенной по газону:

- А у богатого человека, сколько денег?

Такой-Растакой идёт по асфальтовой дорожке следом за Андреем:

- Десять миллионов.

Звонит телефон. Такой-Растакой достаёт телефон.

Такой-Растакой:

- Здорово, Бас.

Голос Баса:

- Я отъезжал всего на двое суток, а ты уже интригуешь.

Такой-Растакой:

- Не понял.

Голос Баса:

- Я не знаю подробностей, но говорят, что ты подкатывал к Главному со своей книгой.

Такой-Растакой:

- Я не мог ждать. Главный собирается на острова. Я раз-

говаривал с ним об авансе. С тобой трудно разговаривать на эту тему.

Голос Баса:

- Ладно, я ещё поговорю с Главным. Теперь о приятном. Сегодня к нам приходил наш читатель. Хочет, чтобы ты ему написал не то брошюру, не то статью.

Такой-Растакой:

- У меня нет времени. Завтра отвозим прихожую, а после-завтра сдавать статью.

Голос Баса:

- Он намекнул на аванс.

Такой-Растакой:

- Ладно, подъеду. К шести. Пусть подождёт, если задер-жусь.

Голос Баса:

- Ирина Аркадиевна его проинформирует. Всё. Давай.

Такой-Растакой:

- Давай.

Андрей:

- Пап, а ты с нами пойдёшь в аквапарк?

Такой-Растакой:

- Нет, Андрейка.

Андрей надувает губы, хнычет:

- Почему?

Такой-Растакой берёт Андрея на руки:

- Надо собрать шкаф. Завтра приезжает заказчик. Собе-

рём шкаф, заказчик переведёт деньги, я получу зарплату.

Андрей вытирает слёзы:

- А бабушка богатая?

Такой-Растакой:

- Нет.

Такой-Растакой с Андреем на руках идёт по двору своего дома.

Андрей:

- А бабушкин шкаф красивый?

Такой-Растакой:

- Функциональный.

Андрей:

- А бабушкин шкаф сколько стоит?

Такой-Растакой:

- Московская мебельная фабрика, шестьдесят седьмой год. Теперь такие шкафы стоят не меньше трёхсот тысяч.

Андрей:

- Пап, а как делают шкафы?

Такой-Растакой:

- Какие? За пятнадцать тысяч или за двести?

Андрей:

- Такие, как у бабушки.

Такой-Растакой:

- Такие, как у бабушки, уже не делают. Ты уже знаешь, что разные деревья растут с разной скоростью.

Андрей ладошками закрывает рот Такому-Растакому.

Андрей:

- Я знаю! Бамбук растёт быстрее всех, а медленнее всех...

Андрей держит паузу.

Андрей:

- ... баобаб!

Такой-Растакой с Андреем на руках входят в подъезд.

Безконечная и неделимая Вселенная состоит из частей.

Каждая часть Вселенной является Вселенной, идентичной всей Вселенной и каждой части Вселенной с некоторым коэффициентом подобия.

Каждый дом в современном городе похож на любой другой дом с некоторым коэффициентом подобия.

Каждая квартира в каждом доме похожа на любую и каждую квартиру с некоторым коэффициентом подобия.

Каждый горожанин может составить список основных и постоянных действий, производимых квартирантами.

Каждая квартира, - целая Вселенная, повторяющая одни и те же действия, расплывающиеся по многослойным оболочкам Вселенных многоцветным узором и поддерживающие в целостности статичные вселенские постоянные.

Двухкомнатная квартира Жены Такого-Растакого уютна, стены в комнатах увешаны симпатичными полочками и шкафчиками.

Двери в комнатах собраны Таким-Растаком из букового бруса. Входная дверь сделана из дубовых досок, сороковка.

Вешалка и галошница из остатков красного дерева.

Такой-Растакой стоит на придверном коврикe, двумя руками держит ремешок от сумки.

Андрей, без обуви, в одних зимних носках стоит на га-лошнице.

Жена Такого-Растакого, сильная, гибкая, развитая мускулатура переливается при движениях, в спортивных трени-ках, домашних шлёпках и в маке без рукавов помогает Ан-дрею снять куртку.

Андрей:

- Мама, бабушкин шкаф стоит триста тысяч!

Жена Такого-Растакого, расстёгивает куртку Андрея:

- Бабушкин шкаф несколько не стоит.

Андрей, снимая куртку:

- А папа сказал, что триста тысяч.

Жена Такого-Растакого вешает куртку Андрея на вешал-ку:

- Если твоему папе закажут шкаф такой, как у бабушки, твой папа возьмёт за работу по изготовлению шкафа триста тысяч рублей.

Андрей, снимая свитер:

- А кто закажет у папы шкаф?

Жена Такого-Растакого, помогает Андрею снять свитер:

- Богатый дядя.

Андрей, отдаёт свитер Такому-Растакому, снимает зим-ние штаны:

- Который к нам приходит?

Жена Такого-Растакого встала, руки в боки, смотрит на Такого-Растакого:

- Этот дядя у папы ничего не закажет.

Андрей снимает зимние штаны:

- Ему стыдно?

Жена Такого-Растакого стоит руки в боки, вытаращила глаза, смотрит на Андрея.

Андрей садится на галошнице, снимает зимние штаны.

Андрей:

- Он боится папу?!

Жена Такого-Растакого стоит руки в боки, вытаращила глаза, смотрит на Андрея.

Андрей кладёт зимние штаны рядом с собой на галошницу, спрыгивает с галошницы.

Жена Такого-Растакого берёт Андрея за плечи, разворачивает Андрея к двери ванной:

- Иди, мой руки.

Андрей проходит в ванную, не включая света.

Андрей оставляет дверь в ванную открытой. Андрей ставит к раковине подставку, встаёт на подставку, открывает воду.

Такой-Растакой кладёт свитер Андрея на галошницу, достаёт из внутреннего карман куртки три пятитысячные банкноты.

Жена Такого-Растакого выдёргивает банкноты из руки Такого-Растакого, пересчитывает.

Такой-Растакой наблюдает за Андреем.

Жена Такого-Растакого:

- Ты работаешь на двух работах.

Такой-Растакой, сдерживая эмоции:

- Здесь больше официальных алиментов в пять раз!

Жена Такого-Растакого отворачивается, проходит к двери комнаты, приоткрывает дверь, протягивает руку, кладёт деньги на шкаф.

Такой-Растакой:

- Ты тоже работаешь.

Жена Такого-Растакого поворачивается к Такому-Растакому.

Жена Такого-Растакого:

- Ты моих денег не считай.

Такой-Растакой:

- Ты не считай мои.

Андрей выходит из ванной.

Жена Такого-Растакого поворачивается к Андрею.

Жена Такого-Растакого:

- Садись за стол.

Андрей стоит около двери в ванную.

Андрей:

- Я в садике поел!

Жена Такого-Растакого подходит к Андрею, берёт Андрея за плечи, поворачивает Андрея к двери на кухню.

Жена Такого-Растакого:

- Ты поел три часа назад. Перед аквапарком надо поесть.
Андрей вырывается, подбегает к Такому-Растакому, берёт
Такого-Растакого за руку.

Андрей:

- Пап, перед аквапарком надо поесть?

Такой-Растакой:

- Обязательно. Пока приедете, пока переоденетесь, всё переварится.

Андрей:

- А ты со мной поешь?

Такой-Растакой:

- Чай с бутербродом.

Андрей тянет Такого-Растакого за собой, на кухню.

Андрей:

- Мама, папа со мной поест!

Жена Такого-Растакого обожает красные, оранжевые абактуры всех размеров и всех представлений, из любых материалов.

Такой-Растакой предпочитает голые светильники, желательно одни голые лампы в патронах.

Жена Такого-Растакого и Такой-Растакой совместными усилиями разработали модель кухонный люстры.

Люстра на кухне в квартире Жены Такого-Растакого представляет собой бутон неизвестного цветка из восьми лепестков светло-светло салатового стекла, раскрывшийся почти до горизонтального положения лепестков. Лепестки соеди-

нены между собой резными рейками красного дерева и висят на резной ножке красного дерева. Три лампы висят под лепестками на проводах различной длины.

Андрей сидит напротив окна.

Отражение Андрейки в стекле повторяет все движения.

Андрей ест перловую кашу.

Такой-Растакой сидит слева от Андрея, запивает чаем бутерброд с сыром.

Жена Такого Растакого сидит напротив Такого-Растакого, положила руки на колени, переплела пальцы, наблюдает за Андреем.

Андрей:

- Пап, а ты, когда заберёшь меня из садика?

Такой-Растакой:

- На следующей неделе.

Андрей:

- А ты приедешь на Новый Год?

Такой-Растакой:

- В садике будет утренник?

Андрей кивает.

Такой-Растакой:

- На утренник, а потом дома.

Андрей:

- И с мамой?

Такой-Растакой:

- Втроём. Ты, мама и я.

Андрей:

- И бабушка.

Такой-Растакой кивает.

Андрей обкусывал верхнюю корочку на куске белого хлеба, кусал вместе с маслом, так, чтобы не зацепить край куса колбасы.

Жена Такого-Растакого встала, поставила тарелку в раковину, вымыла тарелку.

Такой-Растакой отодвинул от себя пустой бокал, вышел из-за стола.

Андрей вынул изо рта откушенный кусок бутерброда, аккуратно положил на край тарелки рядом с бутербродом, опустил глаза, убежал следом за Таким-Растаким.

Такой-Растакой поднял Андрея на руки.

Такой-Растакой:

- Пока, Андрейка.

Андрей сильно-сильно обнимает Такого-Растакого.

Андрей:

- Папа, я тебя люблю.

«Эх, дороги. Пыль, да туман.

Холода, тревоги. Да степной бурьян.

Выстрел грянет, ворон кружит.

Мой дружок в бурьяне неживой лежит».

Такой-Растакой ехал в метро и всю дорогу крутилась в памяти Такого-Растакого старая советская песня.

Такой-Растакой ехал в метро, а на улице посыпала снеж-

ная крупка, холодный ветер погнал позёмку.

Люди выходили из дверей выхода из метра, отталкивали от себя стеклянные двери, ступали на засыпанный снежной крупкой мокрый асфальт.

Над крышей перрона высились две многоглазые тени двух высоток, двух параллелопипедных Вселенных. Вдали, через небольшую площадь, тени деревьев. Справа опора моно-рельсовой дороги, тени двадцатипятиэтажных многоглазых Вселенных за узким бульваром.

Мир, в который мы пришли, не пуст.

Рождаются пустоты по разным причинам, - горст-грабен.

Рождаются пылевые туманности и галактики, планеты и элементарные частицы.

Рождаются люди и от них рождаются мысли, набитые чувствами и стремлениями.

И горст-грабен раздвигает материковые платформы и человеческие мозги.

Сквозняки заполняют уютные пещеры созвучным свистом, а люди всякой ерундой.

Подземный переход гудит от голосов, от шагов.

Вдоль стен подземного перехода стоят бабушки.

Перед бабушками стоят банки с вареньями и соленьями, словно шахматные фигуры.

В конце тоннеля, перед поворотом на лестницу, невидимый за бабушками, на раскладном стуле сидит балалаечник, и наяривает на балалайке песни из популярных советских

фильмов.

Балалаечник поёт охрипшим, голым голосом. Звуки балалайки придавлены гулом, охрипший голос заполняет пространство между звуками шагов.

Из груди дальней бабушки торчит тонкая, покрасневшая рука, вцепившаяся в огромный, тяжеленный, толстый чёрный фолиант с золотым тиснением.

Первая Бабушка окликивает Такого-Растакого:

- Молодой человек! Купи помидорчиков!

Вторая Бабушка окликивает Такого-Растакого:

- Мужчина! Огурчики!

Такой-Растакой подходил всё ближе и ближе к руке, вцепившейся в фолиант.

Балалаечник, - мужчина лет пятидесяти, с копной выющихся, русых волос, безбородый, в распахнутой, затёртой зимней куртке, в чистом, заштопанном свитере, в ни разу не стиранных джинсах, джинсы собрались в гармошку над голенищами жёлтых зимних не зашнурованных ботинок.

Перед Балалаечником стоит раскрытый футляр, в футляре лежат бумажные деньги и мелочь.

Книжник стоит у правой руки Балалаечника, у самого поворота на лестницу, на самом сквозняке.

Когда кто-то из людского потока проходит слишком близко к Книжнику, по лицу Книжника прокатывается серая волна, заполняя глаза Книжника упрямством, вперемешку с болью.

Книжник замёрз, устал и инстинктивно жмётся к Балалаечнику.

Такой-Растакой останавливается перед Книжником.

Книжник всматривается в Такого-Растакого прояснившимся взглядом и без слов приподнимает Фолиант выше, к лицу Такого-Растакого.

На обложке Фолианта золотым тиснением написано: «Ао-эани-Аматэ-оо Намаса-оо-но-ками, Ратна Памана, Цуатим Тимлэй, Суманас Цибха Вишудхи, Даждев Я.В., Санконов А.А., Себастьян Кон, Аминян А.А., Инцкуитли Атль, Чжоу Тянь Ки. НАЧАЛА ЗРЕНИЯ».

Такой-Растакой осторожно принимает тяжёлый Фолиант. Пожелтевшие страницы, титульный лист, оглавление. Названия типографии, издательства, года издания нигде не было.

Текст, таблицы, графики, символика, тантры. Обычная книга по философии.

Такой-Растакой, не сводит взгляда со страницы книги.

Такой-Растакой:

- Сколько?

Книжник переворачивает кипу страниц прямо на руки Такого-Растакого, переворачивает несколько чистых листов с надписью: «Для заметок».

Перед лицом Такого-Растакого шевелятся покрасневшие, тонкие кисти рук.

Под надписью: «Для заметок» фиолетовыми чернилами,

красивым, древним шрифтом написано число: «300».

Такой-Растакой, смотрит в глаза Книжнику.

Такой-Растакой:

- Такого не бывает... Вы серьёзно?

Гомон в тоннеле метро затихает.

Слышны только шаги.

Книжник кивает.

Такой-Растакой вытаскивает из кармана джинсов несколько сотенных мятых бумажек, смотрит на бумажки, протягивает Книжнику.

Книжник, не пересчитывая, засовывает бумажки в карман.

Книжник топчется на месте, крутит плечами, прикасается кончиками пальцев к Фолианту.

Книжник:

- Вы... Это аренда... Напишите что-нибудь, даже если Вам кажется, что нечего сказать.

Постарайтесь, напишите. Если ничего не напишите, то через... Когда сочтёте... В течении года.

Книжник шагает направо, разворачивается, проходит за угол перехода, на лестницу и исчезает.

Такой-Растакой смотрит вслед Книжнику.

Балалаечник встаёт с раскладного стула, рассматривает страницу Фолианта.

Балалаечник:

- Знакомый?

Такой-Растакой трёт лоб, поворачивается к Балалаечнику.

Такой-Растакой, задумчиво:

- Чей.

Балалаечник:

- Хорошая книга?

Такой-Растакой кивает.

Такой-Растакой:

- Редкая.

Балалаечник:

- Дорого стоит?

Такой-Растакой смотрит на исцарапанную балалайку, со стёртыми колками и запиленными ладами.

Такой-Растакой:

- Дороже примы из ансамбля Александрова.

Балалаечник:

- Загибаете.

Такой-Растакой достаёт из кармана, протягивает Балалаечнику мятую бумажку в пятьдесят рублей.

Такой-Растакой:

- «Снег идёт», Кристалинской, можете?

Балалаечник кротко взглядывает в лицо Такому-Растакому.

Такой-Растакой кидает деньги в футляр.

Балалаечник вздыхает:

- Спасибо.

Балалаечник присаживается на раскладной стул, бренькает по струнам, поёт.

Такой-Растаккой достаёт из сумки полиэтиленовый пакет, кладёт Фолиант в пакет, пакет с Фолиантом в сумку, идёт к лестнице.

Такой-Растаккой, видимый сквозь стеклянные двери, поднимается по лестнице, поворачивает направо, к кассам пригородных электричек.

Такой-Растаккой проходит к стеклянным дверям по снежной жиже, засыпанной снежной крупкой, толкает дверь, выходит из метро в переход у станции «Тимирязевская».

Балалаечник играет на балалайке песню «Снег идёт», поёт охрипшим, голым голосом.

Прохожие идут по переходу в такт музыке, то собираются в группы около бабушек, то собираются перед ларьками, то разбегаются по переходу.

Старушки оживляются, вразнобой подзывают покупателей, переговариваются.

Первая Бабушка:

- Грибки! Солёные, домашние грибки!

Вторая Бабушка:

- Корнюшёны домашние в домашнем маринаде!

Третья Бабушка:

- Подходите, капуста квашенная!

Вторая Бабушка:

- Помидорчики с малиновым листом и с хреном!

Четвёртая Бабушка:

- Варенье домашнее! Малиновое, яблочное, ежевичное!

Балалаечник наяривает на балалайке, поёт песню Майи Кристалинской «Снег идёт».

Отделяя всех друг от друга, размывая контуры зданий, торговых палаток, людей, заполняя чистый, тёмно-фиолетовый воздух мягкими, синими крошками, падал первый снег.

Неспешно, густо падали пышные, синеватые хлопья, словно подсинённые после стирки.

Снег превращал в иллюзию торговые павильоны, стоявшие вокруг площади, деревья маленького сквера за детской площадкой, фигуры людей, проходящих через площадь вдаль, к маленькому скверу, исчезающему за снегом, проходящих сквозь сквер к жилым домам, поднявшими над верхушками деревьев окна верхних этажей.

А вверху, в небе, свободном от облаков, стряхивали с себя лишнее, светили большие, голубоватые звёзды.

Искристые балалаечные перебаты, перепетые стенами перехода, словно в мокрую, старую, голую деревянную лодку выносили на улицу сквозь стеклянные двери перехода хриплый голос Балалаечника.

Балалаечные перебаты и хриплый голос кружились перед стеклянными дверями перехода вместе с синими снежинками.

Люди выходили из метро, отталкивали стеклянные двери.

Кто-то поднимал голову, улыбался первому снегу, кто-то не обращал внимания на снег, кто-то поднимал воротник, кто-то застёгивал куртку, кто-то застёгивал шубу.

Справа, около самого выхода из метро, у торца парапета, на своём привычном месте, за мешками, стоит Продавец семечек.

Продавец семечек укрывал полиэтиленом мешки с семечками, стряхивал голый ладонью с мешков синие снежинки.

Пони перекаристо дёргал голыми боками, то тряс головой, звенел уздой, стоял в нескольких метрах от продавца семечек. Синие снежинки висели на его гриве, на чёлке.

Девчёнка держала пони за повод, стояла рядом.

Девчёнка кричит:

- Господа! Пожертвуйте сколько кому не жалко на пропитание пони!

Некоторые люди проходят мимо, на ходу рассматривают пони и Девчёнку.

Некоторые прохожие останавливаются, протягивают Девчёнке деньги, трепят пони по гриве, оставляют на засыпанной снегом гриве следы своих пальцев.

Пони фыркает и мотает головой.

Слева от входа в метро, между дверью в фотоателье и дверью в магазин садового инвентаря, за лотком с мороженым стоит быстрая, худенькая Мороженица.

Около лотка с мороженым стоят Парень и Подруга парня. Мороженица достаёт из лотка мороженное, протягивает

мороженое Парню.

Толстушка, всегда чему-то удивлённая, стоит у лотков с хлебом, за дверью магазина садового инвентаря.

Люди режут своими следами на ломти крошечную площадь перед входом на перрон железнодорожной станции «Тимирязевская».

Такой-Растакой выходит на улицу из входа в метро. На плече Такого-Растакого висит сумка.

Такой-Растакой поднимает голову.

Из безоблачного, звёздного неба падает синий снег.

Около пони стоят Парень и Подруга Парня, едят мороженое.

Подруга Парня гладит пони по гриве.

Такой-Растакой подходит к лоткам с хлебом.

Снег падает на Толстушку, на полиэтиленовую плёнку, прикрывающую самые верхние лотки с хлебом.

Такой-Растакой достаёт из кармана куртки горсть мелочи.

Девчёнка:

- Господа! Пожертвуйте, сколько кому не жалко на пропитание пони!

Снег падает на монеты, на руку Такого-Растакого, сразу тает.

Такой-Растакой отсчитывает несколько монет, протягивает монеты Толстушке.

Такой-Растакой:

- Буханку чёрного, пожалуйста.

Толстушка берёт монеты, пересчитывает, кладёт в карман куртки, оборачивается, берёт буханку ржаного хлеба, поворачивается к Такому-Растакому.

Снег падает на батон хлеба.

Снежинки лежат несколько секунд на чёрной корке. Лучи снежинок подламываются и снежинки, вздрагивая, прижимаются к чёрной корке, превращаются в капли воды.

Снег падает на руку Толстушки, сразу тает.

Такой-Растакой берёт буханку из руки Толстушки.

Такой-Растакой:

- Спасибо.

Снег падает на крутые бока пони, сразу тает.

На гриве пони снежинки лежат матовыми, тяжёлыми пушинами, вплетаются в густые, длинные волосы.

Мужчина выходит из метро, останавливается перед пони, протягивает Девчёнке бумажку.

Девчёлка берёт бумажку, суёт в карман.

Мужчина идёт по площади к детской площадке, мимо Парня и его Подруги, стоящих напротив крыльца пригородных касс.

Девчёлка, засыпанная снегом, держит пони за узду, пританцовывает, весёлым голосом кричит.

Девчёлка:

- Господа, пожертвуйте, сколько кому не жалко, на пропитание пони!

Такой-Растакой отламывает от буханки горбушку, протя-

гивает горбушку на ладони пони.

Губы пони оказались жёсткими, в острых, коротких волосках.

Пони по кусочку откусывает от горбушки, словно от кремового пирожного.

Такой-Растаккой достаёт из кармана куртки мелочь, протягивает к Девчёнке кулак с зажатой мелочью.

Девчёлка подставляет ладонь.

Такой-Растаккой пересыпает мелочь в ладонь Девчёлки.

Такой-Растаккой отдаёт Девчёлке батон ржаного хлеба.

Такой-Растаккой:

- Это твоему другу.

Девчёлка улыбается.

Девчёлка:

- Спасибо.

Перед крыльцом касс пригородных электричек стоят, взявшись за руки, Парень и Подруга Парня.

Парень и Подруга Парня стоят, подняв к небу лица, высушили языки, ловят снежинки, убегające от горячего дыхания.\

- Гляди, облаков нет, а снег идёт.

Подруга парня:

- Чудеса. Как Новый Год.

Девушка слизывает с языка Парня падающую снежинку.

Белый шар прожектора электрички вылетает из-за поворота, летит над рельсами к перрону.

Такой-Растаккой стряхивает с сумки снег.

Зима. Конечно же, зима. Всё из-за зимы.

Еле видимый сквозь синий снег, иллюзорный контур подъехавшей электрички.

Жёлтые пятна окон в вагонах электрички.

Вдали, сквозь густой синий снег, сквозь тёмно-фиолетовую мглу, видны тусклые, тёплые, желтые искры окон двух плоских, многоэтажных Вселенных.

Это ледяное, трезвое, ясное сознание расталкивает снежинки, заглядывает людям в глаза. Это самая живая, самая животворящая, самая жизнерадостная пустота, звенящая от бездонного молчания, смотрит на снег из нутра каждого. Это зима, свободная от желаний людей, заставляет людей надевать шубы. Люди маскируются под прозрачными Небесами, чтобы спрятать свои мечты за желаниями животных.

Открываются двери вагона.

Такой-Растаккой сквозь синюю пелену входит в вагон электрички, в жёлтое пятно.

Синий снег обнимает фигуру Такого-Растаккого, кладёт на плечи Такого-Растаккого лёгкие, ломкие, ледяные, синие крылья.

Люди, надевая шубы, не позволяют себе главной роскоши, - срастания, хотя бы на одну ночь, со своими шубами, чтобы исполнить хотя бы одну мечту и остаться безнаказанными, раскрывая навстречу ясной, ледяной пустоте свои счастливые, светящиеся пустотой, тёплые Вселенные.

Еле видимый за синим снегопадом, иллюзорный контур электрички едет вдоль перрона.

Жёлтые пятна окон вагонов электрички двигаются над белым перроном, в глубине снегопада.

Люди надевают шубы из шкур убитых животных и поднимают лица к ночному небу, закатывают глаза от истомы, рождённой каким-то давним, неназванным чувством. Души забытых Предков обнимают людей своими крыльями, оставляют от снов и желаний пустое тепло.

Пустой перрон железнодорожной станции «Тимирязевская» под снегопадом.

Желтый свет уличных фонарей рыхлыми, тусклыми сферами мерцает перед высокими голыми, шершавыми бетонными стволами.

Такой-Растакой, еле видимый в снегопаде, идёт по двору девятиэтажки вдоль полужасыпанных автомобилей, вдоль двух рядов редких жёлтых пятен фонарей, висящих в воздухе и раскиданных в воздухе жёлтых пятен окон. На плече Такого-Растакого висит сумка.

В воздухе, не спрятанном за лучами Солнца, потемневшем от присутствия в голом Космосе, неожиданная лёгкость или необъяснимая тяжесть выкристаллизовывает тела.

И не объяснять себе ничего.

Не подставлять щеки.

Голая, стоваттная электрическая лампа над подъездной дверью освещает небольшой сугроб синего снега под стеной.

Такой-Растакой нажимает на кнопки дверного замка, открывает дверь подъезда, стряхивает синий снег с сумки, с плеч, снимает шапку, оббивает о руку, входит в подъезд дома.

Пустой двор дома Такого-Растакого, засыпанный снегом. Желтый свет уличных фонарей рыхлыми, тусклыми сферами мерцает перед высокими голыми, шершавыми бетонными стволами.

Крохотный лифт скрипит, раздвигает узкие, металлические двери.

Голая, стоваттная электрическая лампа светит над лестничной площадкой.

Синий снег кружит перед узким окном, прижимается к стеклу над лестничной площадкой.

Такой-Растакой отпирает железную дверь, отпирает старую, деревянную дверь с пластмассовым номерком, входит в квартиру.

Такой-Растакой ставит сумку на пол, включает электрический свет в прихожей.

Голая стоваттная электрическая лампа выталкивает из темноты вешалку с одеждой, галошницу, гору одежды на галошнице.

Такой-Растакой ставит сумку с книгой на галошницу, на гору одежды, раздевается, проходит в ванную.

Такой-Растакой выходит из ванной, проходит на кухню. Наливает в чайник воды, ставит чайник на плиту, в конфорке

под чайником зажигает газ.

Такой-Растакой открывает дверцу в тумбочке под мойкой, достаёт двухлитровую бутылку с водой, выходит из кухни.

Такой-Растакой стоит перед письменным столом.

На углу столешницы письменного стола, перед портативным МФУ, стоит большой пластмассовый цветочный горшок.

В горшке растёт молодая финиковая пальма, - три листа.

Такой-Растакой поливает пальму.

Мир, в который мы пришли, не пуст.

Такой-Растакой поворачивается к окну.

Подоконник занимает длинный цветочный ящик, когда-то стоявший на балконе. В ящике растут молодые деревья.

Такой-Растакой поливает ростки деревьев.

Свободными ли рождаются разумные существа? Люди считают, что свободными их делает выбор.

Неразумные существа не понимают разницы. Неразумные существа не выбирают и чувствуют себя свободными.

Сквозь стекло виден балкон, заваленный синим снегом. Сквозь падающий синий снег пробивается свет уличных фонарей, тёплые искры тысячеглазой плоской прямоугольной тени.

Только не объяснять себе ничего. Не подставлять щеки.

Слышен шум закипевшей воды.

Такой-Растакой уходит на кухню.

Густа, синеватого отлива, ночная зимняя мгла в комнате Такого-Растакого.

Висят среди синеватой мглы блики на сгибах МФУ, отражения в зеркале одежного шкафа, блики на стёклах книжного шкафа, отгораживающих от синеватой мглы золотые тиснения на корешках книг.

Книги: тома в чёрных обложках с золотым тиснением, толстые современные книги по истории, книги в бумажных обложках, классическая литература, книги по астрономии, книги по боевым искусствам, книги по основам силовой подготовки, книги по эзотерике, книги по классической физике, книги по квантовой физике, книги по психологии, книги по теории эволюции, книги по альтернативным наукам.

Такой-Растакой вынимает с полки три книги, ставит эти книги на книжный шкаф.

Такой-Растакой ставит Фолиант на освободившееся место.

Такой-Растакой поворачивается к письменному столу.

На углу столешницы письменного стола, перед портативным МФУ, стоит большой пластмассовый цветочный горшок.

В горшке растёт молодая финиковая пальма, - три листа. Не обещать ничего росткам.

Такой-Растакой садится за письменный стол, включает компьютер.

Не обещать им, что будут расти весной в огромном, без-

конечном пространстве свободной земли.

Густой, ничего не отражающий синий снег падает за окном.

Не обещать приюта неприкаянным, забытым Душам, летающим между континентами и людьми.

В стекле отражается комната Такого-Растакого и Такой-Растакой, сидящий за компьютером.

О, Быстрый Друен!

О, Благородный Заруен!

О, Дикий Афал Ваир!

Густой синий снегопад засыпает балкон.

Такой-Растакой распахивает балконную дверь, выходит на балкон.

Синие снежинки влетают в комнату.

Синие снежинки бросаются на грудь, держатся за руки, прижимаются к лицу.

Из чистого, безоблачного неба валит густой синий снег.

Лучи снежинок, искры на лучах снежинок выстраиваются в некоторый узор.

Лучи синих снежинок, искры на лучах синих снежинок выстраиваются в форме Зала Вечного Неба, неправильной овальной формы.

Густой синий снег валит из Тоннеля Мягкого Света, из круглого отверстия в высоком потолке Зала Вечного Неба.

Синий снег падает в Озеро Неспящих Звёзд.

Озеро Неспящих Звёзд неуловимо неправильной круглой

формы находится Зале Вечного Неба, ближе к боковой стене, в стороне от центра Зала.

На гладкой поверхности озера мерцают отражения звёзд.

Еле заметный светло-голубой свет льётся вместе со снегом из Тоннеля Мягкого Света в Зал Вечного Неба.

Уровень недвижимой воды Озера Неспящих Звёзд находится на одном уровне с уровнем идеально гладкого абсиданового пола Зала Вечного Неба.

Великий Мастер Жрецов Космического Дыхания сидит у кромки берега, у кромки воды.

Великий Мастер Жрецов Космического Дыхания медленно открывает глаза.

Великий Мастер Жрецов Космического Дыхания медленно открывает глаза и что-то мутное, еле заметное в чистом воздухе Зала Вечного Неба, разгоняется и улетает спиной вперёд, вверх по Тоннелю Мягкого Света.

Что-то мутное, еле заметное влетает в тоннель, летит по тоннелю, внизу видны отражения звёзд в Озере Неспящих Звёзд.

Отражения звёзд выстраивают некоторый узор, похожий на искры уличных фонарей столичного пригорода.

Что-то мутное, еле заметное разворачивается в чистому, бесконечному, безоблачному небу, из которого падает синий снег.

Что-то мутное, еле заметное Объектив смотрит на звёзды. Звёзды при приближении превращаются в уличные фона-

ри, в тёплый квартирный свет.

Вечерний Долгопрудный.

Такой-Растакой идёт по двору пятиэтажного дома, на плече Такого-Растакого висит сумка.

Такой-Растакой входит в подъезд пятиэтажного дома.

Ирина Аркадиевна сидит за своим столом, смотрит в монитор.

Рядом с монитором, перед Ириной Аркадиевной, лежит огромная шоколадка. Обёртка шоколадки разорвана, шоколадка надломлена.

Такой-Растакой входит в редакцию. На плече Такого-Растакого висит сумка.

Ирина Аркадиевна поднимает глаза, лицо Ирины Аркадиевны розовеет.

Ирина Аркадиевна кладёт ногу на ногу, качает ногой.

Такой-Растакой вешает сумку на вешалку, облакачивает на поручень перед Ириной Аркадиевной.

Такой-Растакой:

- Здравствуй, красивая.

Такой-Растакой протягивает руку, отламывает от шоколадки, кладёт кусок шоколадки в рот.

Ирина Аркадиевна прячет растерянный взгляд, у неё краснеет кончик носа.

Такой-Растакой:

- Вы одна?

Ирина Аркадиевна показывает пальцем на стену.

Такой-Растакой показывает глазами на стол Баса.

Ирина Аркадиевна шевелит компьютерной «мышкой».

Ирина Аркадиевна:

- Посетитель. Бас ушёл с Будёновцем фиксировать вещественные доказательства.

Ирина Аркадиевна кончиками ногтей отодвигает от себя три двойных листа бумаги, вырванные из школьной тетради, скреплённые металлической скрепкой, исписанные крупными, корявыми буквами.

Такой-Растакой берёт листы бумаги, просматривает.

Такой-Растакой:

- Рекламодатель?

Ирина Аркадиевна вздыхает:

- Папик. Колобок с ванильной кашкой.

Такой-Растакой читает с выражением:

- За сим вас убеждённо заверяю, уважаемые товарищи, что рассадником упадка в рядах нашей современной молодёжи является не только спиртзавод, не только винные магазины, а в совокупности с ошибками нашей городской администрации и ночной клуб, который в народе называют «Дым молодости», и рынок у железнодорожной станции, название которого мне, человеку и коммунисту, воспитанному в традициях нашего, советского интернационализма произнести тяжело и трудно...

Богдан Давыдович входит в помещение редакции, держит в руках богатую зимнюю шапку, прижимает шапку к круг-

лому животу.

Богдан Давыдович тихим, приятным голосом:

- Здравствуйте.

Ирина Аркадиевна отламывает от шоколадки, кладёт кусок в рот.

Такой-Растакой поворачивается к посетителю.

Такой-Растакой:

- Здравствуйте, чем могу помочь?

Богдан Давыдович протягивает руку Такому-Растакому.

Богдан Давыдович:

- Хомин Богдан Давидович.

Такой-Растакой держит листы в левой руке, пожимает руку Богдана Давидовича.

Такой-Растакой:

- Такой-Растакой.

Богдан Давыдович отпускает руку Такого-Растакого, проходит к поручню, кладёт шапку на поручень.

Такой-Растакой кладёт тетрадные листы на поручень рядом с шапкой.

Такой-Растакой:

- Ах, уважаемый Богдан Давыдович, что занесло Вас, в нашу агонизирующую...

Такой-Растакой выдержал паузу.

Ирина Аркадиевна забирает листы, висевшие на поручне.

Такой-Растакой:

- Ах, пardon, в нашу до сих пор развивающуюся газету?

Богдан Давыдович улыбается, облакачивается на поручень.

Такой-Растакон облакачивается на поручень напротив Богдана Давыдовича.

Ирина Аркадиевна отодвигает монитор.

Богдан Давыдович:

- Ах, Такой-Растакон, я не читаю современных газет, но ваш рекламный листок вольно-невольно, иногда, мелькает перед глазами.

Богдан Давыдович достаёт из кармана куртки телефон, включает телефон.

Богдан Давыдович смотрит на дисплей телефона.

Такой-Растакон убирает руки за спину.

Богдан Давыдович:

- Я внимательно прочёл Ваши статьи и считаю, что Вы справитесь с моей просьбой.

Богдан Давыдович выдержал паузу, рассматривал лицо Такого-Растакого.

Богдан Давыдович:

- Вы, конечно, знаете, Такой-Растакон, что у людей есть Предки.

Богдан Давыдович смотрит на Ирину Аркадиевну.

Ирина Аркадиевна сидит, подперев голову руками, рассматривает Такого-Растакого и Богдана Давыдовича.

Богдан Давыдович протягивает руку с телефоном к Ирине Аркадиевне.

Богдан Давыдович:

- Душенька, пожалуйста, запечатлейте меня и нашего друга для моего архива.

Ирина Аркадиевна берёт телефон, направляет объектив на Такого-Растакого и Богдана Давыдовича.

Богдан Давыдович:

- Предки не просто бывают. Предки оставляют после себя кусочек чего-нибудь эдакого.

Богдан Давыдович всплёскивает рукой, крутит перед своим лицом растопыренными пальцами.

Такой-Растакой подпирает правую руку под локоть левой рукой, сжимает пальцами правой руки щетинистый подбородок.

Богдан Давыдович прижимает к груди расслабленный кулак.

Такой-Растакой:

- Золотой рудник, нефтяные вышки, имение на тысячу гектаров чернозёма с правами на передачу в частное владение?

Богдан Давыдович:

- Ах, Такой-Растакой, какой Вы, право, приземлённый. Кусок времени, кусок истории, старое зеркало простодушных предков, в котором отражается наше время, отражается во временах ещё более давних.

Такой-Растакой:

- Что Вы собираетесь с такой рухлядью делать, Богдан Да-

выдович?

Богдан Давыдович:

- Ах, Такой-Растакой. Это память моего прадедушки, Царствие ему Небесное.

Богдан Давыдович крестится.

Богдан Давыдович:

- Книжка по истории нашего края, нашего города. Мой Предок изложил в этой книге историю о кладе до Иваногрозненских времён.

Такой-Растакой поворачивает лицо к Ирине Аркадиевне, смотрит в объектив телефона.

Лицо Такого-Растакого на дисплее телефона:

- Ах, Богдан Давыдович, выскочка ты мелкобуржуазная, нувориш скороспелый, что ты хочешь от государственных архивов, кошелёк на ножках?

Нет. Вслух я сказал другое.

Такой-Растакой поворачивается к Богдану Давыдовичу.

Такой-Растакой:

- Ах, Богдан Давыдович, я так и предполагал, что занимаетесь Вы раскапыванием архивов не ради светлой памяти и чистоты совести.

Такой-Растакой поворачивает лицо к Ирине Аркадиевне.

Такой-Растакой:

- Нет. Вслух я сказал другое.

Такой-Растакой поворачивается к Богдану Давыдовичу.

Такой-Растакой:

- Ах, Богдан Давыдович, и чем же я могу помочь Вам, славному труженику бывшего советского института, а ныне славному работнику крупнохолдингового объединения? Я, бедный журналюга, который перебивается с заметки о праздничной демонстрации в областном центре, на заметку о родах сторожевой суки на местной стройке?

Богдан Давыдович протягивает руку, прикасается пальцами к руке Такого-Растакого.

Богдан Давыдович:

- Вы, Такой-Растакой, думаете так, как меня устраивает и, как я уже упоминал, пишите в нужном стиле. У Вас есть талант, есть опыт, хватка и корочки профессионального журналиста.

Богдан Давыдович расстёгивает молнию на своей куртке.

Богдан Давыдович:

- Деньги не проблема.

Богдан Давыдович лезет во внутренний карман своей куртки, достаёт пачку долларов, отсчитывает несколько бумажек, оставшиеся бумажки засовывает во внутренний карман куртки.

Богдан Давыдович протягивает Такому-Растакому бумажки.

Богдан-Давыдович:

- Аванс.

Такой-Растакой, выдержав паузу, неспеша протягивает руку, берёт бумажки.

Такой-Растакой пальцами раздвигает бумажки, подсчитывает количество бумажек.

Такой-Растакой поверх бумажек смотрит в глаза Богдану Давыдовичу.

Богдан Давыдович:

- Запишите мне Ваш имайл. Я пришлю Вам мою просьбу.

Такой-Растакой протягивает руку к столу Ирины Аркадиевны, берёт из пачки листок, кладёт перед собой на поручень, перехватывает бумажки в другую руку, достаёт ручку, записывает свой имайл.

Такой-Растакой:

- Ах, Богдан Давыдович, приятно встретить человека, доверяющего людям.

Богдан Давыдович помолчал, смотрит на Такого-Растакого, хлопает глазами.

Богдан Давыдович берёт бумажку с записанным имайлом, суёт во внутренний карман куртки, застёгивает молнию, поворачивается к Ирине Аркадиевне.

Богдан Давыдович:

- Спасибо, душенька, давайте.

Ирина Аркадиевна держит телефон двумя руками, выпучив глаза, приоткрыв рот.

Ирина Аркадиевна Секретарша поднимает руки, в которых держит побелевшими наманикюренными пальчиками дорогой телефон.

Богдан Давыдович вынимает телефон из рук Ирины Ар-

кадиевны, быстро просматривает запись, улыбается.

Богдан Давыдович:

- Ах, Такой-Растакой. Спасибо Вам за Ваше согласие поработать ради памяти моего прадедушки.

Богдан Давыдович берёт с поручня шапку, приподнимает шапку, обводит взглядом Ирину Аркадиевну и Такого-Растакого, кланяется.

Богдан Давыдович:

- До свидания, господа. Спасибо за тёплый приём.

Богдан Давыдович надевает шапку, выходит из редакции.

Ирина Аркадиевна смотрит вслед Богдану Давыдовичу выпученными глазами, приоткрыв рот.

Ирина Аркадиевна:

- До свидания, Богдан Давыдович.

Лампы в советской пятирожковой люстре заливают редакцию жёлтым светом, в оконном стекле отражается помещение редакции.

Жёлтые искры окон проезжающей электрички сверкают между заснеженными ветвями деревьев.

Ирина Аркадиевна сидит нога на ногу, раскачивает ногой, положила подбородок на сплетённые пальцы.

Такой-Растакой засовывает деньги в карман джинсов, тянется через поручень, осторожно и нежно берёт руку Ирины Аркадиевны за тонкие, розовые пальцы, тянет к себе.

Ирина Аркадиевна расплетает пальцы.

Такой-Растакой:

- Всё закончилось.

Такой-Растакой смотрит в глаза Ирины Аркадиевны поверх её руки.

Такой-Растакой:

- Мир наполнен тайнами. Это банальность. Поэтому таким, как Вы, ласточка, ...

Такой-Растакой целует палец Ирины Аркадиевны в наманикюренный ноготок.

Такой-Растакой:

- ... приходится бороться или погибнуть, перелетая через бесконечный океан молчаливых тайн.

Такой-Растакой целует второй палец Ирины Аркадиевны в наманикюренный ноготок.

Такой-Растакой:

- Поэтому и прощаем мы Вам некоторые слабости и капризы.

Ирина Аркадиевна краснеет, опускает повлажневшие глаза, вынимает свои пальцы из руки Такого-Растакого.

Ирина Аркадиевна крутит на груди в пальцах пуговичку блузки.

Ирина Аркадиевна произносит тихим, томным голосом:

- Мне назначено.

Такой-Растакой кивает в сторону стола Баса.

Ирина Аркадиевна:

- Вы его не знаете.

Такой-Растакой встаёт перед балюстрадой, втыкает в по-

ручень кулаки.

Искры окон электрически несутся вдали, мелькают сквозь заснеженные ветви деревьев.

Такой-Растакой:

- Как Вы нежно безпощадны в своей наивной безопасности! Но, когда-нибудь, я обязательно вдохну запах Вашей закалённой кожи.

Ирина Аркадиевна не поднимает глаз, краснеет до самой груди, раскачивает ногой, шевелит мышкой, выключает компьютер.

Такой-Растакой застёгивает куртку.

Такой-Растакой:

- Он придёт в редакцию?

Ирина Аркадиевна сверкает влажными глазами:

- Нет. Мы идём в кафе.

Такой-Растакой:

- Тогда одевайтесь. Я провожу Вас до автобусной остановки.

Тёмно-фиолетовое, бездонное, чистое ночное небо над Долгопрудным сверкает звездами.

Огромные сугробы навалены перед подъездом пятиэтажного дома.

Огромные снежные шапки лежат на ветвях деревьев и на крышах автомобилей.

Детишки вопят на детской площадке.

Дворник тюкает ломом по утопанному снегу около со-

седнего подъезда.

Тук, тук, тук.

Снег рассыпает искрами свет уличных фонарей.

Древняя, деревянная дверь подъезда, покрашенная десятков раз толстым слоем разноцветных масляных красок, потерявшая решётку от верхнего стекла и стекло за решёткой нижней части, плавно распахнулась.

Ирина Аркадиевна и Такой-Растакой выходят из подъезда дома.

Ирина Аркадиевна прижимается к Такому-Растакому, держит Такого-Растакого под руку.

Ирина Аркадиевна и Такой-Растакой идут по тротуару по двору пятиэтажного дома.

Бездонное, чистое, звёздное, тёмно-фиолетовое небо, удерживаемое одним голым светом уличных фонарей, неслышно, неосяземо прижимается к парку культуры и отдыха, расположенному на противоположной стороне улицы.

Ирина Аркадиевна и Такой-Растакой, открытые всем ветрам и звёздным светам, открытые свету фар автомобилей, проезжающих мимо автобусной остановки.

Такой-Растакой обнимает Ирину Аркадиевну, прижимает её к себе.

Ирина Аркадиевна прижимается грудью к Такому-Растакому, аккуратно положила руки в перчатках на бока Такого-Растакого, смотрит снизу-вверх в лицо Такого-Растакого.

Ирина Аркадиевна о чём-то рассказывает.

Такой-Растакой смотрит в глаза Ирины Аркадиевны, внимательно слушает её рассказ.

Это зима. Конечно, это всё из-за зимы.

Расстояние от остановки к дому Такого Растакого не изменяется и одинаково в любое время года.

Но зимой это расстояние удивительным образом увеличивается, летом сокращается.

Чистое, ледяное, бесконечное небо, не остановленное тёплым воздухом, прижимается к голой земле, к голым ветвям и растворённым в себе звёздным светом продлевает вдох всех, прогуливающих по парку культуры и отдыха.

О, Благородный Заруен!

Это зима. Конечно, зима.

Дворник тюкает ломом по утоптанному снегу. Силуэт дворника стоит посреди тротуара между вторым и третьим подъездом.

Тук, тук, тук.

Это зима.

Зимой по Каналу гоняют на снежокатах даже поздними вечерами. На Канале нет освещения. Только чистое, ледяное, бездонное, звёздное небо.

Только Дикий Афал Ваир.

Только Быстрый Друен.

Жёлтый свет уличных фонарей растворяет в темноте ветви деревьев, оставляет снеговые шапки.

Тени от фигур Ирины Аркадиевны и Такого-Растакого

четвертяся.

Дворник толкает снег лопатой перед собой.

Жз, жз, жз.

Ирина Аркадиевна прижимается к Такому-Растакому, держит его под руку.

Дворник бросает снег на сугроб.

Шшшссц.

Ирина Аркадиевна и Такой-Растакой проходят мимо дворника.

Дворник тюкает ломом по утоптанному снегу.

Тук, тук, тук.

Ирина Аркадиевна и Такой-Растакой входят в подъезд десятиэтажного дома, в котором живёт Такой-Растакой.

Голая электрическая стоваттная лапочка над подъездной дверью.

Дворник убирает снег во дворе дома.

Тук, тук, тук. Жз, жз, жз. Шшшссц. Тук, тук, тук.

Это зима.

Оттепель среди зимы отдаляет небо от земли, оставляет лёгкое чувство преждевременной радости.

Чистые капли, падающие с крыши производственного корпуса быстрой очередью, вспыхивают белыми звёздами в лучах ясного, белого, зимнего Солнца.

Густая жижа из грязи и снега шлёпает под ногами, меняет следы со скоростью ног, наступающих на грязную жижу.

Солнечные блики вспыхивают яркими пятнами на сгибах

упаковочной плёнки.

Столяра выносят из цеха упакованные детали прихожей и детали лестницы, складывают детали в кузов «Газели», стоящей перед распахнутыми воротами производственного цеха.

Такой-Растакой выносит детали вместе со столярами.

На втором этаже производственного здания, в жестяночном цеху, жестянщик бьёт молотком по детали, словно по металлической плите.

Тук, тук, тук.

Столбы стоят вдоль шоссе, не сходя с места наезжают из далека, увеличивая собственную скорость, мелькнут в окне автомобильной дверцы, и летят вдаль, уменьшаются до полного исчезновения в зеркале заднего обзора.

И ничего не меняется, ни столбы, не зеркало заднего обзора.

Солнце в небе, слева, греет плечо водителя «Газели».

Николай, напарник Такого-Растакого, мужчина лет пятидесяти, щуплый, среднего роста, белобрысый, с большой, лысой головой на тонкой шее, сидит между Таким-Растаком и водителем, курит, стряхивает пепел в кулёк из бумаги.

Табачный дым клубиться, исчезает в тенях, сияет сизыми разводами в солнечных лучах, пыль сияет искрами в глубине сизых волн.

Чёрная сумка на коленях Такого-Растакого.

Чёрная сумка на коленях Николая.

Так просто. Дотронуться до Солнца ладонью, погладить

его бархатный бок, бухнуться в Солнечную сердцевину, а потом улететь, куда глаза глядят, упрямым фотоном. То ли встречу со звёздами, то ли от них. Удариться в неосязаемый предел бесконечной Вселенной.

Процессы, обеспечивающие статичное состояние разных Вселенских постоянных, одни и те же.

Разные процессы обеспечивают одни и те же Вселенские постоянные.

Спортсмены во время тренировки работают с пространством потенциальной энергии, создают в пространстве потенциальной энергии осмысленное, направленное движение, выводящее объект из зоны комфорта, из квантовой ямы.

Во время отдыха, пространство потенциальной энергии возвращает спортсмену созданные смыслы, окружая спортсмена квантовой ямой, то есть, зоной комфорта, наполненную обертонами, некоторыми образами, квантовую яму, недоступную для внешнего воздействия.

Когда мы употребляем алкоголь, то есть воздействуем на зону комфорта, на личную квантовую яму направленным импульсом, исключаяющим смыслы, обертона и излишние образы, на следующий день мы получаем от пространства потенциальной энергии ответку, лишённую всякого смысла.

То есть, употребление алкоголя бессмысленно изначально.

Но так приятно.

Бушь? Водовка горькая, но такая сладкая...

Николай держал перед Таким-Растаким складной стаканчик, налитый до краёв.

Такой-Растакой:

- Завтра статью сдавать.

Николай:

- Как хошь. Безымянное отвергает пространства, наполненные смыслом. Водиллов, для тебя в магазине.

Водитель:

- Возвращаться будем, тормозну у магазина.

Николай:

- Чтобы у нас всё было, а нам за это ничего не было.

Воздух вокруг Планеты один и тот же, но такой разный.

В городе воздух один, за городом воздух другой.

Николай вдыхает все грудью, тащит из кузова деталь лестницы, обёрнутую упаковочной плёнкой, сверкающей в солнечных лучах.

Такой-Растакой аккуратно вытаскивает из кузова деталь лестницы, кладёт на плечо, поднимается по ступеням ко входным дверям загородного особняка.

Водитель «Газели» стоит в кузове, подаёт детали.

Звук глухих, коротких ударов доносится из дома.

Тук, тук, тук.

Такой-Растакой идёт по прихожей пригородного особняка, деталь от деревянной лестницы в руках Такого-Растакого.

Звук коротких, глухих ударов слышен в доме.

Тук, тук, тук.

Такой-Растакой бережно кладёт деталь на штабель из деталей, проходит за угол прихожей.

Плиточник сидит на корточках в туалете, бьёт по стене молотком.

Тук, тук, тук.

Такой-Растакой:

- Братан, удобства, где здесь?

Плиточник оглядывается, неопределённо тычет пальцем в стену.

Плиточник:

- Там. Синяя кабинка.

Такой-Растакой идёт по прихожей, выходит из прихожей на улицу.

Такой-Растакой спускается с крыльца дома, идёт вдоль фасада, поворачивает за угол дома.

Глухие, короткие удары слышны во дворе пригородного особняка.

Тук, тук, тук.

Николай у кузова «Газели», привязывает к кузову угол тента, бросает концы верёвки.

Николай кричит:

- Водилов! Проснись! Поехали!

Николай идёт к кабине «Газели», садится в кабину.

Глухие, короткие удары слышны во дворе пригородного особняка.

Тук, тук, тук.

Водитель, Николай, Такой-Растакой в кабине «Газели».

Чёрная сумка на коленях Такого-Растакого.

Чёрная сумка на коленях Николая.

Такой-Растакой смотрит в окно.

Загородный особняк удаляется в зеркале заднего обзора.

Зима. Зима. Мороз при приближении весны ослабевает.

Звук при удалении источника звука, затихает. Особняк при удалении от особняка уменьшается в размерах. Что изменяется внутри предмета при удалении наблюдателя от предмета.

Зеркало заднего обзора то же. Солнце то же. Воздух тот же. Размеры особняка уменьшились, следовательно, плотность внутри особняка должна увеличиваться.

Если плотность объекта остаётся постоянной, что изменяется в пространстве между наблюдателем и объектом.

Возможно, что в процессах, поддерживающих вселенские постоянные в статичном состоянии, отсутствует время. Внутри постоянных процессов отсутствует время. Но процессы существуют, как последовательность действий.

Любой из нас может составить список постоянных действий, производимых внутри обычных, бытовых процессов каждым и нас.

Зима. Конечно зима. Но чем тогда объяснить, что на древней Русской равнине, все рода и племена, весь народ поголовно, все были вегетарианцами и падали в обморок от за-

паху вареного и жареного мяса?

Зима, конечно. Зима освобождает пространство от причин, зима замораживает стремления, останавливает мысли, делает пространство невидимым.

Поэтому праздники заключают в пространства без окон, без надежды, под высокую, чистую снаружи, тёмно-коричневую изнутри лобную кость, в пространство, из которого придётся выбираться ценой страданий и молитвенных песнопений, маскирующих досаду от очередной потери.

Придорожные столбы беззвучно проносятся навстречу, мимо «Газели».

Встречные автомобили пролетают в гулким, шелестящим воем.

Гугугжужужуушшшщщссс.

Попутные автомобили подвывают.

Гууугууугууужжжжжщщщ.

Николай курит, стряхивает пепел в бумажный кулёк.

Табачный дым пластами висит в кабине, разлетается клубами при любом движении.

Пыль искрами вспыхивает в солнечных лучах.

«Газель» проезжает мимо поворота на Долгопрудненское шоссе.

Такой-Растакой:

- Останови, я здесь выйду.

Водитель останавливает автомобиль.

Такой-Растакой жмёт руку Водителю.

Такой-Растакой жмёт руку Николаю.

Такой-Растакой:

- Пока. Всем добра.

Дом, в котором живёт Такой-Растакой, появляется в пространстве по-разному, если подходит к нему по разным дорогам.

Если подходить по Спортивной, дом появляется из-за девятиэтажек сразу всем северным фасадом, заросшим деревьями.

Апельсиновое небо отражалось в окнах северного фасада.

Если подходить к дому по Новому проспекту, дом робко проклёвывается углом западного торца, робко тыкается углом крыши в небо, постепенно расталкивает окружающие новостройки обветренным, пыльным, выгоревшим западным торцом.

Детские крики звенят во дворе.

Тарахтение снегокатов доносится с Канала.

Над Шереметьево крохотный краешек закатывающегося Солнца.

Воробьи орут во всю глотку, прыгают внутри густой, голой кроны древней вишни, растущей в палисаднике.

Пчсс, пчсс, пчсс.

Такой-Растакой поворачивает за угол дома, идёт по двору своего дома. На плече Такого-Растакого висит сумка.

Во дворе дома, рядом с подъездом Такого-Растакого, сосед Такого-Растакого, накачивает ножным насосом колесо

«Газ-31».

Пчсс, пчсс, пчсс.

Такой-Растакой:

- Здорово, Серёга.

Серёга жмёт руку, не переставая накачивать колесо.

Пчсс, пчсс, пчсс.

Серёга:

- Здорово, Такой-Растакой.

Такой-Растакой:

- Как твой проходимец?

Серёга кладёт руку на крышу автомобиля.

Серёга:

- Я ему пролудил днище. Он теперь вечный.

Серёга нажимает ногой на педаль насоса.

Пчсс, пчсс, пчсс.

Такой-Растакой:

- Передавай привет родным.

Серёга:

- Давай.

Такой-Растакой входит в подъезд.

Пчсс, пчсс, пчсс.

Серёга накачивает колесо автомобиля, давит ногой на рычаг насоса.

Пчсс, пчсс, пчсс.

Такой-Растакой распахнул двери квартиры, включил электрический свет.

Голая лампа вспыхнула над входной дверью.

Такой-Растакой бросил сумку на галошницу, куртку повесил на вешалку, ботинки скинул в углу.

Такой-Растакой свитер повесил на спинку одного стула, джинсы и майку повесил на свитер.

Такой-Растакой снял со второго стула домашние джинсы, надел, снял домашнюю рубашку, надел.

Голый балконный поручень в окне.

Голые фасады новостроек в окне.

Голое, темнеющее небо в окне.

Такой-Растакой свет в комнате не включил и уличный воздух не отбрасывал в квартиру то, что наполнено людским смыслом.

Свет в комнате Такой-Растакой включил значительно позже, когда над верхушками деревьев за Каналом исчезла белесая полоса.

Такой-Растакой, поливающий пальму отразился в оконном стекле.

Такой-Растакой, поливающий ростки деревьев отразился в оконном стекле.

Такой-Растакой, сидящий за письменным столом, за включённым компьютером, отразился в оконном стекле.

Такой-Растакой отправил Басу статью.

Перед Таким-Растаком лист бумаги.

Такс на листе бумаги:

«Хомин Аввакум Богданович. «Подмосковный Отшель-

ник». Издание типографии Мытищинской мануфактуры. Тысяча девятьсот двенадцатый год».

Такой-Растакой смотрит в лист бумаги, «забывает» в поисковик имя автора брошюры.

По имени автора поисковик выдал данные по фамилии Хомин, но не одного Аввакума Богдановича.

Такой-Растакой «забывает» в поисковик название брошюры.

Поисковик выдаёт всякую ерунду.

Такой-Растакой сидящий за кухонным столом, ужинавший кашей с творогом отразился в оконном стекле.

Такой-Растакой прислушивается.

Бамбуковые ветра громким стуком приветствуют ночной, ледяной ветер.

Такой-Растакой встаёт, подходит к кухонному окну.

Сквозь отражение в оконном стекле Такого-Растакого виден двор дома.

Деревья раскачиваются под ветром, гремят заледеневшими ветвями, словно бусами.

Зима... Конечно... Зима...

Зима, вдруг, отворачивается от людей, пропуская несколько тёплых дней, чтобы ожили божьи коровки, спрятавшиеся между подоконником и рамой. Зима уходит за моря, оставляет клочья своего мяса на вершинах гор. Зима возвращается, засыпает подоконник мёртвыми плодовыми мушками, между которыми ползают ожившими раковинами

обманувшиеся, безтолковые божьи коровки.

Летом здесь, на подоконнике, стояла пальма. Три острых длинных листа.

А теперь Друен. А теперь Заруен. А теперь Афал Ваир.

Не обещать ничего, как пальма, которая не выбирала, но осталась свободной. Не обещать ничего тем, кто не знает свободной земли, не обещать ничего тем, кто в свободной земле.

Зимой ветер сбрасывает кожу, трётся о голые ветви деревьев, о стены домов. Сухие чешуи облаков прижимаются к земле, стараются сохранить остатки отданного ветру тепла.

Водные растворы солей кристаллизуются с разной скоростью. Отделяясь друг от друга, растворы анатомируют раствор. Промежуток времени между началом кристаллизации можно замерить с помощью специального прибора.

Сквозь городские дворы, словно сквозь сад искусственных камней, проталкиваются скользкой пеленой душные тени.

Тени превращаются в чёрные фигуры неизвестных существ.

Вдруг, Синий луч, словно плётка, бьёт по предметам, мечется по ночной комнате.

Письменный стол. На столешнице письменного стола горшок с пальмой, компьютер.

Книжный шкаф, кровать.

Такой-Растакой лежит на кровати, спит, руки лежат по-

верх одеяла.

Синий луч мечется по комнате, шарит по книжному шкафу, по стене над кроватью.

Синий луч находит Такого-Растакого, ощупывает одеяло.

Синий луч утыкается в лоб Такого-Растакого.

Такой-Растакой распрямляется в кровати, словно у него свело все мышцы.

Такой-Растакой раскрывает рот, закрывает рот, изо всей силы сжимает челюсти.

Изумрудная сеть проявляется сквозь одеяло, проявляет фигуру Такого-Растакого, покрывает голову, руки Такого-Растакого.

Чёрные фигуры столпились вокруг кровати, тянут то, что считается руками к одеялу, скребут по одеялу тем, что считается когтями, тянут к себе мерцающую изумрудом, густую сеть, ярко-зелёный, искрящейся абрис тела.

Тени шепчут непонятно.

Чёрные фигуры вынимают изумрудную сеть из одеяла, несут к окну изумрудную сеть, повторяющую форму тела Такого-Растакого.

Сеть сжимается в изумрудный клубок.

Тени сливаются в руку с чёрными, узловатыми пальцами с длинными ногтями.

Чёрная рука с длинными ногтями на узловатых пальцах медленно сжимает тёплый изумрудный комок, окутанный изумрудной дымкой.

Отвратительный голос:

- Ха-ха-ха!

Сквозь отвратительный смех, невнятный, непонятный шёпот, сквозь шорох, пробивается звук звонких ударов по металлическому листу.

Пчсс, пчсс, пчсс.

Шшшссц.

Пчсс, пчсс, пчсс.

Шшшссц.

Голос африканской девушки вызывает, заглушаемый отвратительным смехом, шепотами, шорохом, звуками ударов.

Голос африканской девушки:

- О, Быстрый Друен! О, Благородный Заруен! О, Дикий Афал Ваир!

Фигура Колдуна проявляется сквозь мглу.

Фигура Колдуна заполняет всю комнату.

Фигура Колдуна уменьшается.

Фигура Колдуна уменьшается до высоты окна.

Африканские джунгли отражаются в оконном стекле.

Фигура Колдуна отражается в оконном стекле.

Сквозь отражения в оконном стекле виден ночной двор.

Колдун бьёт торцом ритуального копья по вершине камня, вкопанного в землю.

Связка бус из яшмовых бусин, из раковин, висевшая на копье, бьёт по звенящему, изукрашенному древку ритуального копья.

Звуки размывают плотные чёрные пальцы, сжимающие изумрудный клубок.

Чёрные пальцы коробятся, дымятся чёрным дымом, исчезают.

Изумрудный клубок плывёт за удаляющейся в оконном стекле фигурой Колдуна.

Объектив плывёт в отражения на оконном стекле вслед за Колдуном.

Колдун становится стволом финиковой пальмы.

Нитка бус из раковин висит на стволе финиковой пальмы.

Изумрудный клубок влетает в ствол финиковой пальмы.

Синий луч, торчавший из лба Такого-Растакого, поднимает тело Такого-Растакого.

Тело Такого-Растакого поднимается над кроватью.

Вдруг, Синий луч исчезает.

Раздаётся громкий хлопок.

Такой-Растакой падает на кровать.

На лбу Такого-Растакого светятся не ярким салатovým светом три точки, обозначая вершины равностороннего треугольника.

Такой-Растакой медленно открывает глаза.

Неведомо что, спиной вперёд летит вверх, к потолку комнаты.

Такой-Растакой лежит на кровати, раскрыв невменяемые глаза, светящиеся салатovým светом.

Неведомо что пролетает сквозь безпросветную тьму.

Внизу светятся салатовым светом три вершины равнос-
тороннего треугольника и два глаза.

Вершины равнос-тороннего треугольника освещают про-
странство вокруг себя.

Два глаза освещают пространства вокруг себя.

Границы освещённого пространства колеблются, превра-
щаются в фонари, в кроны деревьев, в автомобили, стоящие
вдоль дома.

Дворник идёт с ведром песка по тротуару вдоль дома, рас-
кидывает песок по тротуару.

Песок падает на лёд.

Сссщщщ.

Сссщщщ.

Зима. Конечно, зима. Безымянное выталкивает из себя
наполненное смыслом.

Зеркало статично.

Отражение в зеркале движется.

Когда отражение в зеркале уменьшается, уплотняется ли
то, что является отражением.

Источник отражения остаётся прежним, зеркало остаётся
прежним.

Если источник отражения удаляется от зеркала, зеркало
уменьшается, отражение в зеркале уменьшается. Что изме-
няется внутри отражения, если источник отражения меняет-
ся ежесекундно, но остаётся неизменным.

Такой-Растакой внимательно рассматривал своё отраже-

ние в зеркале. На лбу Такого-Растакого три круглые вмятины, расположенные в вершинах равностороннего треугольника. Такой-Растакой потёр пальцами вмятины. Вмятины остались.

Такой-Растакой выключил свет в ванной, посмотрел на своё отражение.

Вмятины на лбу Такого-Растакого остались.

Отражение в зеркале наполняется отражением улицы Лобненская.

Такой-Растакой перед стеклянной витриной «Реестра библиотек», смотрит в витрину, трёт пальцами свой лоб.

Три вмятины на лбу Такого-Растакого видны отчётливо.

Такой-Растакой натягивает на лоб спортивную шапочку.

На плече Такого-Растакого висит сумка.

Такой-Растакой входит в дверь «Реестра библиотек».

Тайна, при приближении. из тёмной, плотной точки, превращается в холодный, сыроватый сумрак пустого, гулкого, большого помещения.

Вытянутое вдоль витрины, сумрачное помещение «Реестра библиотек».

Напротив двери, на стене доска объявлений, дальше, влево, внутрь помещения, на стене доски с образцами заполнения документов.

Посередине стены вход в хранилище.

Перед входом в хранилище стоит стойка.

Под потолком, чуть в стороне от стойки, моргает лампа.

Служащая реестра библиотек, женщина в очках, лет сорока сидит за стойкой. За спиной Служащей реестра распахнуты две двери в хранилище. В дверном проёме, в сумраке не освещённого помещения, видны стеллажи картотеки. Карточка с именем-отчеством служащей реестра на стойке.

Гулкий звук шагов Такого-Растакого заполняет помещение «Реестра библиотек».

Такой-Растакой проходит к стойке.

Такой-Растакой:

- Здравствуйте, Зинаида Ивановна.

Служащая поднимает голову.

Служащая:

- Здравствуйте.

Такой-Растакой:

- Зинаида Ивановна, я ищу брошюру, изданную в начале прошлого века типографией мытищенской мануфактуры «Подмосковный отшельник». Вы могли бы подобрать адреса библиотек, в которых эта брошюра, может быть, сохранилась.

Служащая реестра достаёт из письменного стола бланк, кладёт бланк на стойку перед Таким-Растаким.

Служащая реестра:

- Заполните бланк запроса.

Такой-Растакой, заполняя бланк:

- Вы могли бы выписать квитанцию?

Служащая реестра:

- Пожалуйста.

Служащая реестра достаёт из письменного стола квитанцию.

Такой-Растакой:

- Когда будет готово?

Служащая реестра, заполняет квитанцию:

- В течение двух дней.

Такой-Растакой кладёт заполненный бланк на стол около локтя Зинаиды Ивановны.

Зинаида Ивановна кладёт квитанцию на стойку около руки Такого-Растакого.

Такой-Растакой:

- Если сейчас?

Зинаида Ивановна подвигает бланк к себе, смотрит на Такого-Растакого.

Зинаида Ивановна:

- Сто процентов за срочность.

Такой-Растакой достаёт деньги, отсчитывает, кладёт на стойку.

Такой-Растакой:

- Сто пятьдесят.

Зинаида Ивановна достаёт из письменного стола новую квитанцию.

Такой-Растакой поднимает голову.

Такой-Растакой видит белый потолок и моргающую лампу.

Моргающая лампа затягивается серыми облаками.
Такой-Растакой идёт по улице загородного посёлка.
Воробьи вопящей стайкой летят за Таким-Растаком.
На плече Такого-Растакого висит сумка.

Звонит телефон.

Такой-Растакой:

- Здорово, Бас.

Голос Баса:

- Ты не обился?

Такой-Растакой:

- Я давно на тебя не обижаюсь. Это твой кайф. Но, мне надоело вытаскивать твою газету. Я больше не одной статьи тебе на растерзание не отдам.

Голос Баса:

- Придётся доложить Главному о твоём решении ограничиться получением аванса за готовую книгу.

Такой-Растакой:

- Ограничусь составлением заметок на темы будущих статей.

Голос Баса:

- Решение Главного не предсказуемо.

Такой-Растакой:

- Бас, я же не забираю свою долю.

Голос Баса:

- Ладно. Выслал тебе несколько тем. Успеешь до праздника?

Такой-Растакой:

- Спасибо тебе. Прочту, сообщу.

Голос Баса:

- Давай.

Такой-Растакой:

- Счастливо.

Забор, окружавший особняк, тот же. Ворота те же. Сто-
рожевая будка та же. Фасад особняка тот же.

Воробья, летящие следом за Таким-Растаком одинаковы
и статичны в своей одинаковости.

Облака не отличимы один от другого и слиты в единый,
серый клубящийся занавес.

Такой-Растакой останавливается перед воротами особня-
ка, нажимает на кнопку звонка.

Голос охранника:

- Вы к кому?

Такой-Растакой:

- Сборщик, собираю прихожую.

Голос охранника:

- Фамилия.

Такой-Растакой:

- Такой-Растакой.

Через несколько секунд щёлкает замок.

Голос охранника:

- Входите. Паспорт приготовьте.

Внешне особняк не изменился, внутри неизбежно что-то

меняется. Во всяком случае, во время ремонта.

Детали шкафа сложены под стеной просторной прихожей.

Куча упаковочной плёнки лежит в углу прихожей.

Импровизационный стол собран из трёх ящиков и куска ДСП, стоят в дальнем углу прихожей, внутри двух ящиков стоят сумки.

Над ящиками в стену вбиты гвозди.

На гвоздях, вбитых слева, висит верхняя одежда, перед ящиком стоят зимние ботинки.

Николай распаковывает детали каркаса.

Такой-Растакой входит в прихожую.

Такой-Растакой проходит к своей сумке, к ящику, в котором стоит сумка.

Такой-Растакой:

- Привет, Коль.

Такой-Растакой снимает сумку с плеча, ставит рядом с правым ящиком.

Николай:

- Привет, привет. Ясень поздравляет тебя с облегчением.

Такой-Растакой переодевается.

Такой-Растакой:

- Давно звонил?

Николай обвёл рукой распакованные детали.

Такой-Растакой:

- Коль, мне халтура подвернулась. Я перед обедом смоюсь.

Такой-Растакой подходит к Николаю.

Такой-Растакой:

- Подстрахуешь до завтрашнего обеда? Я завтра ставлю две по ноль семь.

Николай:

- Три. Одна местным помощникам.

Такой-Растакой замахивается рукой.

Николай подставляет ладонь.

Такой-Растакой бьёт ладонью по ладони Николая.

Желтоватый свет электрических ламп углубляет цвета, углубляет тени, придаёт лицам рельеф.

Желтоватый свет электрических ламп прижимал тёмные цвета зимней одежды к фигурам пассажиров.

Народ продвигался к выходу из вагона пригородной электрички задолго до станции.

Пассажиры извиняюще топтались почти на одном месте, держали хотя бы минимальную дистанцию.

Такой-Растакой стоял вместе со всеми в проходе между рядами лавок, держался за ручку на спинке лавки.

Пассажиры подгоняли друг друга к выходу «давай», «быстрее, там», «проснись», перешагивали через провал между порогом вагона и перроном, словно бросались в бесконечный, родной, привычный космос.

Такой-Растакой прижимает к животу сумку, выходит из первого вагона на станции подмосковного городка.

Народ спешил к автобусной остановке, терпел короткую, широкую лестницу в торце платформы.

Спустившись с лестницы, пассажиры обгоняли друг друга, почти бежали, кто к подземному переходу, кто к небольшой привокзальной площади.

Желтоватый свет электрических ламп углубляет цвета, углубляет тени, придаёт лицам рельеф.

Желтоватый свет электрических ламп прижимал тёмные цвета зимней одежды к фигурам пассажиров.

Зима... Это зима. Конечно. Зима, - пыль желаний, отвергнутых Первоимператором.

Влажный, густой зимний воздух тёк по пешеходному тоннелю, тормозил эхо шагов, делал эхо гулким, глубоким, прижимал эхо к стенам тоннеля и телам пешеходов.

Тяжёлый, долгий стук колёс поезда, проезжающего над пешеходным тоннелем, оставался строгим, голым рельефом некоторого движения, предоставленного самому себе, отличным от хаотического гула шагов и вносящего в общую картину эха свой хаотический вклад.

Желтоватый свет электрических ламп углубляет цвета, углубляет тени, придаёт лицам рельеф.

Желтоватый свет электрических ламп прижимал тёмные цвета зимней одежды к фигурам пассажиров.

Это зима заставляет оправдываться, зима заставляет рассчитывать, прицеливаться, нападать.

Небольшая площадь перед входом в тоннель заставлена автобусами и маршрутками.

Такой-Растакой пересёк площадь вместе с народом, пере-

шагивал через неширокий ручей, тѣкший через площадь.

Началось с того, что защемило сердце. Больно. Сильно. С хрустом. Потянуло туго вниз...

Дѣрнулось между скользкими, мелкими берегами ожившее от сердечной боли вертлявое полено, брошенное в сизый пристанционный ручей, нырнуло в мутную, осеннюю воду...

Началось много раньше, но с чего и когда, никто не скажет. Скорее всего, с того, что черёмуха зацветает каждый год в разные дни, вразнобой затекают ветви раскрывающимися цветами.

Толкнуло сильно, пусто... Выдохнулось сразу, глубоко, легко. Разорвало, разгладило лёгкие по рѣбрам...

Осталось сердце одно. Висит на аорте в свободной груди. Вздрагивает вслед за раскрывающимися цветами черёмухи.

Желтоватый свет электрических ламп углубляет цвета, углубляет тени, придаёт лицам рельеф.

Желтоватый свет электрических ламп прижимал тѣмные цвета зимней одежды к фигурам пассажиров.

Заморозок врезался в землю неожиданно, разогнал облака, распахнул ледяной бездне объятия, оголил мокрую, размякшую, оттаявшую грудь.

Маршрутное такси подъезжает к крутому подъѣму шоссе, останавливается.

Пустой пассажирский автобус стоит под склоном.

«Газель» сползает с подъѣма юзом встреч движения.

«Газель» отъезжает подальше, до самого маршрутного

такси, разгоняется, влетает на подъём, добирается до половины подъёма, буксует, сползает юзом вниз по обледенелому склону.

Водитель маршрутного такси оборачивается к пассажирам.

Водитель маршрутного такси:

- Товарищи пассажиры.

Водитель оборачивается к лобовому стеклу, указывает рукой на подъём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.